

№ 5-6

май-
июнь
2009

литературно-аналитический

Листок. АБГ

Периодическое издание союза «Ассоциация литераторов АБГ» и лито «Молот О.К.» (Тбилиси, Грузия) <http://abg-molotok.ge>

В поисках Золотого руна



**СПЕЦИАЛЬНЫЙ
ВЫПУСК**

ГАЗЕТЫ

**«ЛИСТ О.К. АБГ»,
ПРИУРОЧЕННЫЙ
К ТРЕТЬЕМУ
МЕЖДУНАРОДНОМУ
РУССКО -
ГРУЗИНСКОМУ
ПОЭТИЧЕСКОМУ
ФЕСТИВАЛЮ
«В ПОИСКАХ
ЗОЛОТОГО
РУНА».**

**ПОДГОТОВЛЕН
ПРИ**

ПОДДЕРЖКЕ

МЕЖДУНАРОДНОГО

КУЛЬТУРНО-

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО

СОЮЗА

«РУССКИЙ

КЛУБ»

**(995 32) 93-43-36
rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge**

Ars istius orisi solum necesse est

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ЛИТО «МОЛОТ О.К.» в свидетельствах его участников, очевидцев и прочих современников

Первый свой гвоздь «Молот О.К.» забил в культурном центре «Кавказский дом» в ноябре 2005 г. на презентации одноименного коллективного поэтического сборника. Лито образовалось весной 2005 года по инициативе тбилисского поэтического журнала «АБГ» и собрало молодых людей, разных как



по возрасту (от четырнадцати лет и до тридцати пяти), так и по литературному опыту.

Давид ДЕНИСОВ Я вернусь... // Русский клуб. №1-2, 2006

Краеугольный камень «Молотка» был заложен редактором и переводчиком Анной Шахназаровой, поэтом и художником Михаилом Ляшенко (основате-



лями журнала «АБГ», выходящего в Тбилиси), в возведении фундамента также участвовали Анна Лобова, Наталия Кочеткова, Дмитрий Лоскутов.

Сергей СОПРОМАТИН Подлинная история клуба «Молот О.К.» // Бизнес мост Москва – Тбилиси. №5, 2006

История «до» проста, но интересна. Журнал «АБГ» («ан», «бан», «ган» – первые буквы грузинского алфавита) стал доволь-

но специфическим изданием. На страницах его выпусков можно найти труды и шалости модернистов и авангардистов начала прошлого века; тропинки поэзии, проложенные русскопишущими талантами по Грузии, Армении, Азербайджану; «Наше зарубежье» – творчество тбилисцев, проживающих ныне вне родины... Четко заметна склонность соредакторов к творчеству братьев Зданевичей, спасших от забвения картины-клеенки самого Пиросмани...



Юные «молоточки» наглядно увидели в «АБГ»: ничто не исчезает бесследно; те, кто творил за столетие до нас, воскрешены сегодня – и понятны, и необходимы нашему дню.

Катя ЦИБЕР Русская словесность в Грузии: новый виток надежды // Подруга. №24, 2008

(Продолжение на сс. 2, 7, 8, 12, 13, 17)



ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ЛИТО «МОЛОТ О.К.»

Золото и лазурь ...и другие не менее радостные тона преобладали на малой сцене Тбилисского Государственного Центрального Детского Театра им. Н. Думбадзе 29 июня.

В этот вечер состоялось знаменательное для русскоязычной литературной общности событие: празднование 3-летия со дня создания молодежного литобъединения «МОЛОТ О.К.», приуроченное, к тому же, ко Дню молодежи. Концерт был организован Союзом Российских Соотечественников в Грузии «ОТЧИЗНА» и «Ассоциацией литераторов - АБГ».

...Очень разные по содержанию, стилю и манере исполнения концертные номера все-таки создали впечатление единства. А единство это, наверное, родилось из того неуловимого, что следовало бы (не будь столь затасканным слово) назвать аурой, а проще, совместимостью столь разных, но все-таки близких друг другу людей.

Удивительно и то, что они умудряются писать, почти не влияя друг на друга, что не часто наблюдается в подобного рода объединениях. В МОЛОТке каждый из участников пишет в своей, свойственной только ему манере. А если они и заражают друг друга, так только искрометной веселостью, раскованностью, доброжелательным отношением друг к другу. Легкость в творчестве не предполагает легкомыслия, но полагает наличие таланта. А то, что все участники концерта талантливы, сомнений ни у кого не вызывает (...).

...Но, если вспомнить все трудности условий существования русскоязычной словесности в наше время, в данном конкретном регионе, то возникновение и, тем более, длительное удержание «на плаву» серьезного литобъединения, пожалуй, можно приравнять к чуду.

Елена ЧЕРНЯЕВА Золото и лазурь // Головинский проспект. №23, 2008



Вот представьте себе поэта. Ну что у него может быть в руке? Перо, если он в девятнадцатом веке? Карандаш (если ручка шариковая-роликовая закончилась) или фломастер (если карандаш сломался)... Ну, маус (если он умеет печатать и уже прошел эволюцию от машинки к компьютеру). Ну, паспорт, если его достать из штангин... Ну, молоток (если он кузнец и дух его молод)... И тут возникает вопрос: сколько нужно поэтов, чтобы забить гвоздь в стену? Ответ: зачем забивать гвозди, когда можно цивилизованно подвесить молотки к трубе!.. Вот за таким занятием и застали гости Кавказского дома участников презентации поэтического клуба «Молот О.К.». Инструменты (незаменимая вещь в домашнем хозяйстве) были подвешены (согласно концепции Александра Кеинашвили) подвешению с помощью бечевочек-веревочек в компании маленькой, но симпатичной наковальни. Кроме того, ни в чем не повинный стенд был облеплен скотчем для принятия на грудь плаката работы Лали Элизарашвили с гордой надписью «Молот ОК» – Молодежное Объединение Литераторов, Обитающих в Тбилиси – о'кей. (...)

Укрепив таким образом тылы, команда «Молотка» перешла в наступление, на какое их благословил поэт Шота Иаташвили. Отыграли мы, стало быть, свой первый бал. И впереди очень много интересного. Во-первых, вся жизнь. Во-вторых, новые стихи, песни и встречи. И разговоры. Потому что нет ничего лучше, как собраться разным людям с общими интересами и пообщаться, свое прочитать и других послушать. Вот такие, брат, молотки...

Армен СУСАНИН Размышления после первого бала // Сайт лито «Молот О.К.»



«Гололед на земле, гололед...» Конечно же, Владимир Высоцкий и предположить не мог, что именно по такому льду, да еще в кромешной тьме молодежь Тбилиси (в котором, по его мнению, всегда ясно, тепло и чай растет) будет собираться со всех концов промерзшего города, чтоб отметить 68 лет со дня его рождения. (...)

Насколько молодежь считает поэта своим, доказал, пусть не афишированный в прессе, но целиком заполненный Высоцким вечер. (...)

Пели при чуть колеблющихся огоньках нестареющие песни, ...пели, не повторяя интонаций автора, но и не меняя их в угоду современным веяниям – именно так, что Владимиру Семеновичу не было бы стыдно за них. А зал негромко подпевал... (...)

А когда ведущий вечера Михаил Ляшенко объявил об окончании и поблагодарил всех, неожиданно вспыхнул долгожданный свет. И сразу стало видно, какие взволнованные и счастливые лица у ребят.

Владимир ГОЛОВИН «...И свято верю в чистоту снегов и слов» // Сайт лито «Молот О.К.»



Литературное "Молодое О.К."

Анна ЛОБОВА

ЧЕТЫРЕ ИСПИСАННЫЕ СТРАНИЦЫ

За пятой, не запятнанной стихом,
из плена запятых и многоточий
выпрастываясь, нежный на излом,
пытается, поет и кровотоцит
мой голос - нежеланье каменеть
в скелетах строк, стремление излиться
в сосуды слов... Так полюбили сеть
ручной журавль, небесная синица.

* * *

Два облака впадают в горизонт,
вне поезда подвижное глотая
пространство. В продырявленный озон
струится Зевса сперма золотая.
А в эпицентре этой красоты,
в зрачке стрижа, распятого над тенью -
прозрачный тамбур, хрупкие мосты
и памятью отснятое мгновенье.

АВТОРСКОЕ

Все эти шаткие стишатики,
мышатики слепенькие - вам.
Брусничный бисер, спирт на ватке -
чтоб рассовать по рукавам.

Махнете левым - море будет,
махнете правым - пляж, вокзал.
А я тихонько выйду... в люди.
Дорогу Пригов показал.

* * *

Ласкал ее немисливо несмело,
как юноша британский - под омелой,
как юноша грузинский - перед папой,
а ей хотелось, чтобы грубой лапой,
а ей хотелось, чтобы кость хрустела,
еще... чего - не знала, но хотела.

* * *

Пора домой.
Пора домой давно.
Домой пора давно уже давным.
Одним
днем позже - и свое забуду имя,
не нужное, пока дышу твоим я,
но ширится во времени дыра.
Итак, пора -
на зимние квартиры,
откорректировав ориентиры,

нашупав отрезвляющую ось;
скорей, пока реально не пришлось
рвать ребра, чтобы выпустить свое
безумное, бездумное мое,
чудовищно разросшееся сердце.

* * *

Все смолкло. Осталась в сумерках
постанывающая кость.
Внутри меня что-то умерло,
а, может быть, родилось.
Внутри меня что-то щелкнуло,
внутри меня дали свет.
За сколькими пнями-елками
Промаялась столько лет,
за сколькими поворотами
искала свои пути,
чего-то ждала - ан, вот они,
искрятся. Пора идти.

* * *

Машины плоские свои свиные рыла
суют в калашный ряд моей души
(душа моя - застенчивый рогалик,
задумчивая булочка моя).
Ну, почему их цели так унылы,
и средства почему не хороши
(а там, внизу, на дне души, меж галек,
монетки золотые и хвоя).

Дмитрий ЛОСКУТОВ

* * *

По накаганному, исписанному
Уводили слова по карнизам, но
Я цеплялся за взгляд наблюдателя -
Не подруги, но и не приятеля,

Не радетеля суть соглядателя,
Но поддакивала поддателя
Подоспевшая осень, разбросанная
По слогам, что остались прозою.

Растоптав вдрызг карнизы серебряные
Чудо-взглядами псевдопреданными,
Я сорвался. И тут все припомнилось:
Те же рельсы, наверно - к осени.

* * *

Эх, Расея, Расея, рассей же
Мою детскую веру в тебя.

Я б послал - да надуманный леший
Испарился на сборы опять.

Я б забыл, как еще не умевший
Самовольно спускаться с горшка,
Долго спорил с сестрою, кто Вещий
И кого били подле Торжка.

Прослезился б, как паводок вешний,
Проносья по Расее пургой,
Повстречал бы, спустившись в орешник,
И кикимору с бабой-ягой,

И себя - лет за 30, (что ж - грешен)
Потерявшего веру в тебя.
Эх, Расея, Расея, рассей же
По Земле своих русских опять...

10.08.06.

Зачем я ищущее твое отражение
За белыми древними буквами
"Не прислоняться"
И, не находя,
Перехожу к дверям напротив?
Приближаясь к готически-темному
Перрону "Авлабара",
Вглядываюсь в силуэты
Возвращающихся домой,
Спешащих на банкет,
Выходящих на работу.
Но где та печаль и безразличие ко мне,
Где то натуральное одиночество
И приобретенное недоверие?
Все это осталось в прошлом.
Холодной весной.
В надушенном эйрфрешами вагоне.
Между "Потсдаммерплатц"
И шариком ручки,
Ставлящим точку после даты
Десятого августа
Две тысячи шестого года.

* * *

Москва! Как много в этом... К слову,
Чужой нерусской красоты.
Мой друг гуляет по Тверскому
и пишет мне, какая ты.

На Вы? От Вас несло духами
В хрущевках, сталинках. Москва...
Ты плод искусства? ремесла?
Алтарь языческого храма,

Часовня православных стран,
Барокко в исполнении Бога,
Блицкрига цель, Спасенья план.

Москва, многообразьем слов
Я вырву из тебя Сварога
И развенчаю на Покров.

Олег МЧЕДЛИШВИЛИ

* * *

Я не буду больше о приятных
впечатленьях,
О милостью дарованном лекарстве,
Об улицах в отроческом ненастье,
О женщинах и призраках весенних...

Печальная, но свыше, перемена,
Людская не просчитанная встряска,
То скрипнула большая занавеска,
А не внизу стоящая коляска

Куда идти, уже пешком, наверно?
Уже под тяжестью... знакомый
смех - соседи.
Куда идти, я знаю... осторожно
Скрипит душа. С высока свежий ветер.

И ложь вокруг яснее - значит, скоро
Придут за мной, и стука дожидаясь -
Трясусь, надеюсь, нахожусь и каюсь -
Все в узах необъятного простора.

* * *

Я шел к тебе.
Вопил хлеставший дождь,
И сумрак обволакивал расправу.
Был свет в окне твоём,
И за окном склонялась рожь,
И ложь слонялась... Пели под гитару.
Не выгадал. И снова не один
Стою в кругу твоём, смущенный
незадачей.

И матом, как плащом простолудин,
Прикрыт, приспущен, глупо обозначен.
Как много их прибилося в эту ночь,
Безликую и наспех роковую.
Был брошен клич, а может, послан
прочь
Неверный замысел к тебе, в избу лихую.
Ты молча притаилась у окна.
Доверив телу хрупкому посланцев...
Ходить, соединять вино и танцы
И с вызовом иным смотреть в глаза.
Куда до них, изысканных и терпких,
Столетиями кипящих в погребах...
Держу пари, что пару тысяч слепков
Их выставят язычники в шатрах.
Я вышел на простор вдохнуть воды.
В потемках звезды на отмашку уповали.
Над ухом ветка хрустнула - не ты,
Все тот же дождь без смысла и управы.
При ясном небе мокрый сумасброд

Теснил к дверям, из коих запах гари
Взывать к жестокой каре небосвод...
Ну! Выходи, безмозглая! Упали
Завесы призраков, и дверь
ломает стон...

Ты так прекрасна, пробудившись
ото сна -

Все кончено.
Начало.
Спасена.

* * *

Я держал тебя нежно.
Где мне знать, что не август
был встречей,
А покрытый снегами февраль.
С неба падали прямо на плечи

Хлопья белые. В черную шаль
Материнского тихого горя,
Словно загнанный конь у подворья,
Я упал, чтоб держать тебя нежно.

Давид

МЕЗУРНИШВИЛИ

СОН

Прости меня, мой сон,
Но этой ночью мне мешает спать
Все, что из глотки рвется вон
Водою и огнем на лист
Горелый скомканной бумаги.
В очерченном пространстве
нужных слов
Слепили амбразуру комнатные мухи,
И невесомость оборвалась вдруг,
Меня нашу речь на
отработанные звуки.
И я не знаю, кто здесь полицейский,
Кто здесь вор, когда раскроется
Несовершившаяся кража.
Но если вдруг твои глаза
Отменят медный взор, с чего начнется
Новый день - с песка или снега,
Или с цементом разведенной гажии?!
И мы построим дом на досках
и гвоздях,
Без окон и дверей, без погреба
И кухонного крана,
Но кто зайдет в него после дождя
В четверг с открытой раной
Наутро выйдет вон, без галстука

И на подъемном кране совершит
Демарш по мокрой мостовой.
Я видел продолжение зари
И слышал повторения рассвета,
Но, если хочешь слышать звук,
Замри, как есть, на скользком парапете.
Ногами нелегко идти,
Но навзничь пасть еще страшнее,
Взглянув на мир глазами,
Выбросив очки, невольно обхвативши
Голову обеими руками,
Я вспоминаю тех, кто жив
Или давно уже не с нами.
И сколько жизней рвется вкось
и вкривь,

Когда летят железные болты и гайки,
Сквозь пыль, не разделяя
Мир на "наших" и "чужих"...
Я не умею выглядеть красиво -
Когда вокруг чума, то нужно быть
больным,
Я весь насквозь пропах собачьей
рваной псиной

И окриками пьяных конвоиров
Под плавающим серебром
мерцающей луны.

* * *

Вдали стояла церковь,
всю глубину ее широкой белизны
травы зеленая,
травы живая подчеркнула.
Серое небо, опустившись,
протекло, заливши холм, овраг:
всю эту местность тихую -
кусочек земли лохматой,
отдающий пухом,
камень, на котором можно посидеть,
попробовав переварить букет
еще неспелых впечатлений,
вытянуть руки и лететь
в твои пушистые объятия
молодой
сирени.
Конечно же, цветы, конечно,
полевые, скрывают наготу,
меняют цвет лица,
дают возможность блеску глаз явиться.
Так хочется дышать,
здесь так приятно жадно пить
сырые литры кислорода.
А тишину спокойствия
лишь птицы редко взмахом крыльев
нарушают;
своим внезапным криком целясь в дуб,
под толщиной
озонового
слоя...

Литература "Молодь О.К."

Ада ПЛЕННИНГ

* * *

...По сердцу отчужденно город
водил пальцем...
Долгое отражение плавало по воде
и зазывало вспомнить
вечнотекущего прошлого холод...
Сухие платаны и тополь
пряли тонкую нить,
хранили молчание...
Растворялся контуром вопль...
...Смолкали свет и заря
...и в первый раз Любовь
независимо проявлялась, паря,
заставляла сливаться,
...возродиться, быть,
соединяя небо, край берега...
Там, где плоскость заднего плана
томила долго и упрямо
непреложное родство платана,
воробья
и тумана...

Упиваясь свободой,
Храня слово, рьяно
до вопля стесняла,
даря охотно, пьяно
ширилась и сияла
Сама Любовь...
...неловкая правда обмана...
...как точна и сильна
рука
во время танца
шамана...
...как упруга, легка и
прочна
натянутая суть барабана...
Как пальцы били
дробную по поводу...
и отчужденно водили...
по городу...

* * *

Трудно ее сохранить
силой не удержать
из кокона тянется нить
из куколки вылезет стать
из шелка бы мне соткать
крыльев ее парашют
"Не положить кладь" -
прячет ухмылку шут
Не золоченый купол
и не дубовый паркет
из белого домика кукол

сшит пирамиды брикет
...Льет молоко скупое
жадно желание жить
Утра холодного пурпур
в чашу хрустальную слит...

* * *

Поклониться тени
погладить руками листву
войти в прохладу поддаться лени
можно пойти вброд пройтись по мосту
окунуться в воду испугаться лангуста.
вынырнуть - услышав чье-то пение
оказавшись в картине жизни
где жизнь - искусство...
игра светотени...

Дмитрий СПОРЫШЕВ

* * *

себе
представил - небо
изъедено молью -
то бишь, без птиц.
без птиц
небо -
не небо -
мертвое море.
пустыня
из мертвых птиц.
птицы
солью были неба.
зачем мне небо
без птиц.
без птиц
небо -
не небо -
не Бог!

если не
соленой
становится соль,
то это,
то это
уже и не соль.
мне страшно смотреть
на обнаженное
тело неба,
как на
вербу,
сожженную
во имя герба.

мне бы птенца:
его б я растил,
лелеял и холил,
а потом...
потом отпустил
его бы на волю.
пусть летит.
снова будет
душа у неба -
небо станет опять -
небом.
засыпаю спокойно,
уходя в иллюзорные дебри,
закрываю глаза синие -
синее с птицами
небо.

* * *

Она ушла,
разбив мне сердце.
Но ничего,
до свадьбы заживет.
Вот хорошо, что уходя,
Она не вздумала разбить
мою любимую чашку.

* * *

Мы сидели с тобой у камина,
Прижавшись друг к другу,
Рассеянно глядели в огонь.
Лимон, отчаявшись, в кружке
Решил утонуть.
Ладонь ветхой крыши
Оградила от града.
Милая, что это, слышишь?
Слышу, это же радость!

Игорь ЭИБОВ

* * *

Я стал размеренней и тише,
Я стал прозрачен, как хрусталь,
Я призрачен, как кот в кустах,
А за окном деревья дышат.

Ночной февраль.
Хрустящий холод
Над челкой темноты заколот,
Едва колышется вуаль.

И, кажется, что балерина
Сейчас поклонится, вздохнет,
По подоконнику порхнет.
И вот уже несут корзину

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ЛИТО “МОЛОТ О.К.”

Спокойно-белых нежных роз.
Где музыка?... но паутину
Бросает утро на картину.
И гаснут огоньки мимоз.

* * *
Огарок вечера.
Я - пьяница заката.

* * *
*он посмотрел на себя,
отошел - и тотчас забыл,
каков он.*

Иаков. 1,28

Не о дожде осеннем, не о прозе
Лукавой жизни,
Внемлющей капризам
Безумья, не о пышной розе

И не о музыке, разлитой
в совершенстве
Деревьев под дождем,
И даже не о том,
Посмертном (не моем) блаженстве.

И даже не о голосе твоём,
Вбирающем цвет жизни,
И не о вечере, влетающем,
как выстрел,
И не о вечности, вмещенной в окоём

Окна ночного... даже не о том,
Что я люблю тебя,
что взгляд
Невинных глаз уносит шторм...
Тогда о чем?
- о Радости.

* * *
Я пыльное зеркало,
по которому ты провела рукой
и вдруг увидела свое отражение.

* * *
Мокрые воробьи
на продрогшей дорожке асфальта,
Уходящая ночь
с глазами ангела,
Я потихоньку протергиваю
себя в жизнь, как нитку.
О, терпеливое равнодушие
Надежды.

Любая женщина может сделать из “ничего” прическу, салат и трагедию. А что может сделать из “ничего” дюжина поэтов? Оказывается, трагедию современной поэзии в четырех действиях... В минувшее воскресенье Молодежное литературное объединение “Молот О.К.” представило тбилисцам пьесу “Между прессой и наковальней”. Авторы увлекательной поэтической “трагедии-мистерии-феерии” - Сусанна Арменян, Дмитрий Лоскутов и Дмитрий Спорышев - создали цикл поэтических текстов (от возвышенно-лирических до са-



тирических), которые и легли в основу пьесы. Двенадцать поэтов-“молотков” с энтузиазмом перевоплотились в героев музыкально-поэтического спектакля. Выступления бардов с гитарами, мини-сценки в духе водевилей, элементы пантомимы - все сплелось в искрометную трагикомедию, на протяжении двух часов вызывавшую у публики и смех сквозь слезы, и слезы сквозь смех.



Оригинальные каламбуры и остроты стали залогом успеха экспериментальной премьеры. Легкие стихи группы поэтов приятно удивляли особой чистотой звучания русской речи. Несмотря на вечный искус вольного рифмоплетства, поэтам удалось найти золотую середину между мягким юмором и жесткой сатирой. (...) Вдоволь насмеявшись, ... зритель задумывается всерьез уже после спектакля. Во время представления думать было некогда - оно ослепляло колкостя-



ми рифмовок, завораживало небывалой даже для профессиональных актеров живостью исполнения. Искать недостатки можно лишь после, когда отгремели аплодисменты и благодарные зрители поздравили дебютантов. (...)

Жорж Санд, всю жизнь близкая театру, заявляла: “Нельзя быть одновременно и артистом, и философом!” Но “Молот О.К.” блестяще доказал: можно! Самое ценное в спектакле - подлинные размышления самих артистов. Остроты “молот-



ков” умны. Музы и музыка им подвластны. А главное... каждый играет, не выставляясь единолично, а соответствуя общей задаче, компанейски. Впрочем, “молотки” явно сделали спектакль, в первую очередь, для самих себя. Возможно, искренность их игры и проистекала из того, что двигали артистами звуки, текущие из собственных сердец.

Катя ЦИБЕР Ангел с бутылкой истины или вся власть поэтам // Свободная Грузия. № 46-47, 2006



ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ЛИТО “МОЛОТ О.К.”

А дальше... В декабре объединение “Реликвия” проводило конкурс памяти Сергея Есенина. “Молот О.К.” отправил на конкурс своих полномочных представителей, и все они бесцеремонным образом расхватывали львиную долю премий. (. . .)



Вскоре появился второй сборник “Молотка”, пополнившись новыми рубриками и новыми авторами. “Молотки” серьезно взялись за переводы - в рубрике “Трансферы” девять имен, которые на слуху у любителей современной грузинской поэзии.

В конце мая в зале, благородно предоставленном Союзом писателей Грузии, решили особо отметить презентацию долгожданного второго сборника “Молот О.К.”



“В эфире - Молоток FM!” - обвиль RJ Дмитрий Лоскутов - и, как полагается “арджею”, повел “радиоэфир”... К презентации тоже специально написали сценарий, с шуточными куплетами-представлениями авторов, с “новостями спорта” и “прогнозом



погоды”, со “звонками в студию” и попытками связаться “с нашим спецкором” - вплоть до чтения стихов с “телеграфной ленты”. (. . .)

Проводились в “Молотке” и мероприятия по налаживанию связей междугородного значения. Например, по приглашению Руставского социально-культурного образовательного центра им. Ж.Шартава небольшой десант “Молотка” высадился в этом гостеприимном городе.

Сергей СОПРОМАТИН Подлинная история клуба “Молот О.К.” // Бизнес мост Москва - Тбилиси. №5, 2006



Слово “Форпост” следует читать не столько по горизонтали, сколько по вертикалям, исходящим из него - ОРУжие ПОэта Слово. Этот девиз, зашифрованный в названии проекта, взят из одной замечательной пьесы (“Между прессой и наковальной”). Последняя “т” символизирует, вероятно, молоток, - так как придумали “Форпост” активисты из молодежного литературного объединения “Молот О.К.”. Первую “Ф” взяли для красоты. Или для равновесия. Мы точно не знаем. Структура “Форпостов” следующая - как правило, трое

защитников и один гость, то есть, тоже защитник - но приглашенный.

У каждого защитника свое оружие, свой метод, свой голос и свои военные хитрости. На стенах “Форпоста” первыми попробовали свои силы Дмитрий Лоскутов, Дмитрий Спорышев и Сусанна Армянян. Они читали свои стихи и пели песни (тоже свои).

Аркадий СУМОЧКИН “Форпост” первый, акустический... // Головинский проспект. №27, 2007



Голос этот прозвучал недавно - воспроизведенный на потрепанном магнитофоне, - в стенах центра культурных связей “Кавказский дом”. Уже не с пленки - с компакт-диска (века двадцать первый!), а коробка с бобинами оказалась бутфорией, частью инсталляции у портрета...

А дальше... все, что звучало, было уже живую.

Вечер памяти Владимира Вы-



соцкого организовали и провели участники тбилисского молодежного литературного объединения “Молот О.К.” Как поведала зрителям руководительница объединения Анна Шахназарова, программа вечера, названная “Не пройдет и полгода...”, была составлена из посвящений Высоцкому известных российских бардов, поэтов - В.Долиной, Б.Окуджава, А.Макаревича, А.Вознесенского, Ю.Визбора, А.Еременко, Б.Ахмадуллиной и других. Среди стихов и песен, исполненных участниками “Молотка”, были также стихи Марины Влади, Никиты Высоцкого... Прозвучали и собственные посвящения (Ю.Ключникова, И.Парошина, И.Очигава) - а также два стихотворения Михаила Ляшенко, положенные на музыку Д. Лоскутовым и им же исполненные...



Затем - слова прощания (запись одного из концертов Высоцкого).

Закончить вечер по сценарию не удалось - многим из зрителей захотелось тоже поделиться своими воспоминаниями, и вновь зазвучали стихи, посвящения...

Сусанна АРМЯНЯН. “О Володе Высоцком я песню придумать решил...” // Вечерний Тбилиси. 10. 09. 2006

Владимир ГОЛОВИН**ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ**

Смела пылинки на портрете.
Протерла на столе сукно.
И распахнула в кабинете
в леса смотрящее окно.
Отметила, вдыхая влагу,
что надо бы подстричь кусты.
Сложила на столе бумагу
- исписанные Им листы.

Дождалась, как в чашобе ухнет
незлая сонная сова.
Плиту почистила на кухне.
В камин подбросила дрова.
Налила в треснувшую чашку
Его любимое питье.
Погладила Ему рубашку
и тихо села за шитье.

Проснется Он, и, как обычно,
уйдет в работу с головой.
И день покатится привычной,
давно накатанной канвой:
в окно стучаться будут ели,
в камине угли будут тлеть,
она присядет на постели
и будет на Него смотреть.

Потом заехать могут гости,
заспорят о природе зла,
и рыцари в последнем тосте
припомнят давние дела.
Они гостей проводят оба.
Пробьет двенадцать на часах.
И кони взмоют над чашобой,
растаяв в черных небесах.

А в тихом домике у леса
опять все будет, как всегда:
над Ним - священная завеса
и свет любимого труда
ниспосланы, как воздаянье
за то, что был людьми гоним.
В ней - воплощенное желанье
жить для него и только им.

Так длится два десятилетия,
так будет до конца веков,
им ни за что не быть в ответе,
не превратиться в стариков.
Их мир, в котором все так просто,
размерен, выстрадан и тих.
Тропа, блуждающая в соснах,
сюда не приведет чужих.

Пусть где-то там грохочут войны
и рушатся материки!
Здесь романтично и спокойно
туман клубится у реки.
Ни страх, ни злоба, ни усталость
не проползут в резную дверь.
Ах, как об этом ей мечталось
в года предательств и потерь!

Мечты, желания, обиды
сегодня больше не нужны.
Но почему-то имя "Фрида"
настойчиво вползает в сны.
Да часто снится приступ гнева
в полете яростном во мглу.
И шепот: "Браво, Королева!"
на том, решившем все балу.

* * *

Что осталось в этой жизни?
- Напевать былые песни.
Поминать друзей на тризне.
Ждать, что прошлое воскреснет.

Путать "но-шпу" со снотворным.
Грустно спорить с дураками.
И смотреть, как внук упорно
измеряет мир шажками.

Михаил ЛЯШЕНКО

* * *

Вода меня огнем прошибла
до залежавшихся корней.
Я прежде не знал огней
такого рьяного пошиба.
Гуляли молнии по сгибу
отметками карандашей
и, завернув за кромку, гибли,
как будто гнали их взашей,
этсетера, ну и ваше...

* * *

Лагорио... какой-нибудь там век -
дома тогда картины украшали,
росли деревья, а дома ветшали,
производили нравственных калек...
Так и закончился тот век.

* * *

Выхожу один я, выхожу я
и один по комнате брожу,
нахожу, что с жизнью все в ажуре,
а следов своих не нахожу,

будто бы, на зимнем полустанке,
обогнув к утру хрустальный лес,
линию судьбы прорвали танки
и уже идут наперерез.

* * *

Не на... Нет, надо! Нет, не надо! На...
оглядываться на ночных прохожих.
Не надо помнить, что взойдет луна
и поведет ножом по коже.
Не надо огорчаться за старух
с монетками в трясущихся ладонях,
за девок во вселенском "Шератоне",
за тихий плач, преследующий слух.

Не надо вспоминать своих неправд
и жизнь в уме считать от точки - если б...
и видеть суть и суетность, и прах
в обивке замусоленного кресла,
в коробке спичек - бывшие леса,
в ведре дырявом - высохшее море,
причастье в гастрономовском кагоре
и лужи в запрокинутых глазах.

Не надо знать, что время, как вода,
а сон простой, но бесполезный случай
доплыть вверх по теченью до излучин
и - вниз, по крышам, кронам, проводам,
по четкам, меткам, суткам и годам,
по линиям руки, по бликам света...
Не надо раздавать пустых советов
и тосковать по шумным городам,
кроить рисунок воздуха по юбкам,
объедками кормить ночных собак
и, жабрами хватая этот мрак,
толочь свои догадки в ступке.

Не надо. Надо... Если надо - как?..
Не следует менять на шило мыло,
не следует сдавать себя на милость
блустителей, жрецов, базарных драк,
и может, как-то где-то кое-как...

Из цикла "СОЗИДАНИЕ"

Штриховал я штрихом ковыля,
мне послушно шуршала бумага,
шорох шел по окрестным полям,
так, что выла под сердцем собака,
и смущались астральные знаки,
и катило волну по морям.
Я валял из окрестного мрака,
мрак застойный, как вены, вскрывал
и ребенком обиженным плакал,
и хвостом от восторга вилял,
черной тушью, как кровию, капал...
Так вот ваньку всю жизнь и валял.

Ассоциация "АБТ"

Гагик ТЕЙМУРАЗЯН

ЦАРЬ

В стародавние времена -
 Так говорили мне посвященные краснобаи -
 За рокадой жил беспечальный царь,
 Не имевший кроме всего прочего
 Ни труднодоступного замка метафизической красоты,
 При длительном строительстве которого
 Погибло под обломками несметное количество
 Мускулистых архангелов и их внебрачных детей,
 Ни разноязычного, малочисленного войска,
 Совершавшего под командованием грозного пигмея
 Опустошительные набеги на благодатную страну,
 Поочередно управляемую отпрысками второго поэта,
 Вследствие чего казна пополнялась бы мадригалами,
 Ни супруги, наделенной сверх всякой меры
 Даром пророчества изредка опускавшимися
 С верхних планет на нижнюю божествами,
 Ни сына, любившего стрелять из пыльных берданок
 В лица идущих по млечной тропинке серафимов,
 Что часто вызывало вселенский скандал,
 Ни дочери, чье ласкавшее слух имя
 Запрещалось произносить во время торжеств
 В честь прихода весны даже вполголоса,
 Ни команды подслеповатых астрономов,
 Предсказавших приблизительный день падения
 Сателлита Сатурна на окраину восьмой империи,
 Ни словоохотливого мудреца, ведущего
 Бесперывные телепатические диалоги
 Со странствующим заклинателем змей и хамелеонов,
 Ни пользовавшегося всенародной любовью математика,
 Однажды сумевшего скрупулезно подсчитать
 Число сектантов, разуверившихся в двуликой истине,
 Ни трона, наспех сколоченного краснодеревщиками,
 Сидя на котором в окружении верноподданных
 Он видел бы сквозь современный бинокль,
 Как в пределы обширного государства вторгаются
 Пьяные вдрызг взбунтовавшиеся вассалы,
 Ни расшитого яхонтами и сердоликами камзола,
 Который он одевал бы, чтобы стоя приветствовать меня.

КЮВЕТ

Магистраль, ведущую в нирвану, закрыли.
 Кювет сошел с ума от скуки.

Х. КОЛУМБ

Я мечтал об открытии новых земель.
 Я прочитал жизнеописание Х. Колумба.
 Оно отбило всякое желание
 Вставать с циновки.

СЛЕДЫ

Два следа беседуют о многогранности творца.
 Третий не вмешивается в яростные споры.
 Какая разница, думает он, кого благодарить
 За мысль о неизбежности смерти.

Паола УРУШАДЗЕ

* * *

*“Глядите, это Буратино!” -
 закричал Арлекин, указывая
 на него пальцем...*

Так и меня когда-нибудь актер
 вдруг высветит из мрака галереи
 и завизжит пронзительно: “А кто
 сюда пожаловал! Скорее к нам, скорее!”

И мигом кто-то, тих и невидим,
 скрывая под плащом лицо свое и блески,
 меня промчит по лестницам витым
 и вытолкнет на берег - на подмости,
 на яркий свет, где дерево и куст
 цветут себе и здравствуют во имя
 земных чудес, где я пересекусь,
 где, наконец, я встречу - со своими,
 где в парике серебряном Старик
 в толпе ликующей склонится к Звездочету,
 чтоб прошептать: “Здесь все решает миг,
 один лишь миг, и все расчеты - к черту!”

КРЕПОСТИ КЕР-ОГЛЫ

*Об этом говорили горы,
 И в городе или разговору...*

А нам казалось: “Чушь! Нелепость!
 Ну, как такое может сбыться?..”
 Сбылось. Всю ночь кричали птицы
 О том, что умер старый эпос
 (Не то в корчме, не то в больнице),
 Забрав с собой все небылицы,
 Все флаги, битвы и потехи...
 И ветер в тот же вечер, Крепость,
 С тебя сорвал его доспехи...

...А что касается абрека,
 Который три минувших века
 В тебе спасался от ареста,
 То он злодей... но странной масти -
 Не ждет вестей, не жаждет мести...
 Неопалимее асбеста,
 Он здесь почти что гений места,
 Его уже не ищут власти...

Ты отпусти его, пусть выйдет
 И в небо разрядит обойму,
 Он никогда не будет пойман,
 Его уже никто не видит,
 Никто не помнит...

Минуя почту и аптеку,
 Одетый, как старинный воин,
 Он побредет - не в рай, не в Мекку,
 А, как положено абреку,
 В наш старый лес...
 Еще живой он...

ПАРК

В белом небе качаются люльки, -
Как скрипит колесо это чертовое!
Под навесом любители пульки
Опоздавшего ждут - четвертого...

Те же парии, пары и Парки,
И ленивое карканье с ели,
И пустые бумажные чарки
На скамейке с минувшей недели...

Не сейчас... где-то ближе к закату,
Над плитою, покрытой мохом,
Парк припомнит, кем был он когда-то
И кого-то помянет вздохом...

А начнет вечереть и смеркаться,
Тени станут чернеть и смыкаться...
И опять в тишине долгожданной
Будут ссориться тополь с акацией...
Будут долго мирить их каштаны...

* * *

Все это очень хорошо...
Но еще лучше, мой дружок,
Отдав Всевышнему должок,
Поставить чашечку на блюде,
Опять перечитать стишок
И сигаретой затянуться
В последний раз - на посошок...
Уйти в себя...
И не вернуться...

Мария ФАРГИ**РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОНЕТ**

И, как цветок, я повернулась к солнцу,
Ломая основанье стебелька.
Держала крепко верная рука
И землю подо мной, и свет в оконце.

Бог знает, из какого далека
Заблудшие в дом возвращались овцы.
Сияла серебром вода в колодце,
И плавали по краю облака.

Рассеянно во сне скрипели двери.
За ними ложь сама жила когда-то,
И каблучки стучали виновато.

Еще не люди, но уже не звери,
Двухтысячную праздновали дату.
А день сулил награду и расплату.

* * *

Гремело матом воскресенье.
Скандал, как Гималаи, рос.
Похмельем на чужом веселье
Вставал мучительный вопрос:

Зачем? За что ее убили?
Была любовь иль не была?
Протестовали, снова пили.
А за окном сирень цвела...

ПЬЯНИЦА

Пророк, мыслитель и поэт
В одном лице - ты пьян в дымину,
И истины небесной свет
Горит в зальсынах твоих,
И тяжело горбатит спину,
И предлагает - На двоих?
А рядом - трезвая семья
На вас глядит с упреком детским.
И гнется медная скамья
От слез, проклятий и обид.
И этим - поделиться не с кем.
И это - "жительство на вид".

СОНЕТ

Не удержать. Не раствориться.
Слиянья нет. В костре конца
Начало нового лица
Мелькнет и где-то будет длиться...

На сладких лапках пчел пыльца
В тиши холодного рассвета.
И в ласковом полете лета
Рука - в предчувствии кольца.

К закату разовьется локон.
Истлеет золото венца.
И счастье обернется склокой.

В плену всевидящего ока,
В жестоком замысле творца
Душа должна быть одинока.

* * *

Вновь этой мысли серый лед
В моих глубинах больно тает.
И вольной ласточки полет
Мерцаньем легким наполняет
Мое сознание. Сладость игры
Теряет власть и погибает
Под влажной зеленью горы,
Где каждый паучок мечтает
Жить вечно. Иль до той поры,
Когда душа вернется к Богу.

Но растворяются миры
У запретельного порога.
Там тени тень меня зовет.
Там нужно нам совсем немного...
И синей высотой цветет
Моя последняя дорога.

Елена ЧЕРНЯЕВА

* * *

До слез у горла, ветреной погоды,
до дней, решивших быть такими,
что позабудешь тихий сон и Бога,
сыграть ва-банк без парика и грима.

Сыграть ва-банк без парика и грима,
готовлюсь выйти к стартовой площадке,
и труден воздух завтрашнего мира,
и безнадежны жесты рук и сладки.

И безнадежны жесты рук и сладки...
Платок у горла пережав, заплакать...
Я в дверь стучусь, но дверь мне
не открыли...
Готовность тела без любви стать прахом...

Готовность тела в энтропии страха
сыграть ва-банк без парика и грима,
и безнадежны жесты рук и сладки,
и труден воздух завтрашнего мира.

* * *

Я па...
не памятник,
не роль,
не техник грубый с монтировкой,
балета пласт, пластичность,
соль,
из Леты - гордость
и прогорклость.
И горечь, впрочем,
тоже - речь.

Но до нее, до тона, звука,
до до, до ре, бемолей, плеч,
лишь - па, излучина разлуки..

СОН - 2

Вокзальный, нет, привокзальный...
приречный, нет, приземной...
Приземистый, нет, печальный,
дарованный, нет, чужой.
Где вполоборота профиль,

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ЛИТО "МОЛОТ О.К."

глазами пробит киоск,
и где проводник и профи
подскажет про Тверь и Москву.
Ничего мне не надо.
Путейщик обходит вагоны,
стучит и фонариком светит,
а с дальнего перегона
подходит черный товарный.

* * *

так вот: больничным
коридором
сухой тропой, или путем
иным, неважно скорым
иль пассажирским, или сном,
да, сном, который (здесь)
не смерть,
лишь релаксация да выбор
на подсознании. Заметь,
с утра саднит и щиплет нёбо,
так телу хочется болеть.
но я про то, как коридором...
глотаю звездочки сирени,
тебя не заставая дома,
растя в себе преодоление.

* * *

Пока игрушечный Ватто
развлечь пытается гламурно,
легионеры жгут лазурный
трактат о "совесть и число".

Поет за кадром соловей,
тревожа губы Моны Лизы,
и заливаает антифризом
словарь свой грустный
грамотей.

Играть в пятнашки с каждой
тварью,
чтоб сделать ход конем, траву
не смяв, в почетном праве
живое племя от Иу...

А мы - как мы, ни здесь,
ни там,
навек испуганы прогрессом,
начетчики, в делах повесы,
герои только по утрам.

Уже ли нам сулил удачи
бессменный календарь
побед?
Спит смертный кесарь,
пьет и плачет
бессмертный, в общем,
смерд.

Как сообщала неброская афиша, вечер памяти Иосифа Бродского устроили "Ассоциация литераторов - АБТ" и входящее в нее литературное объединение "Молот О.К.". "Вечер памяти" - словосочетание, признаться, несколько пугающее - и даже в каком-то смысле отпугивающее. Однако на этот раз вечера памяти в традиционном смысле не предполагалось.



Прозвучали за этот час с небольшим не воспоминания о Бродском, а его собственные слова. Те, что были зафиксированы в беседах с журналистами, в выступлениях, эссе... Документальные отрывки из биографии, один за другим, с графической лаконичностью добавляли штрихи в портрет поэта. Конечно, в этот коллаж вплетались и те самые "закодированные" куски биографии Бродского - стихи. И в обычном "формате", (продекламированные Еленой Черняевой и Екатериной Думбадзе), - и в



виде песен (музыка и исполнение Дмитрия Лоскутова, Елены Осиповой, Сусанны Армянян). За постановку вечера благодарить нам следует Дмитрия Спорышева. Именно его режиссерская воля превратила чистую фантазию "молотков" в настоящее цельное действие. Озаглавлено оно было, кстати, вполне традиционно - по строчке из стихотворения Бродского "Памятник Пушкину". Название это - "...И более ни слова" - означало еще и то, что от себя в сценарий не было добавлено ничего. Только стихи Бродского. Только его слова. Только документы, факты. И более ни слова.

Сусанна АРМЯНЯН "...И более ни слова" // Головинский проспект. №23, 2008



Несомненной заслугой можно назвать переводческую работу, принявшую в объединении относительно системный характер. Из объема переведенного, а это более 20 современных авторов, можно составить небольшую антологию новой грузинской поэзии. Последовал и ответный жест: в специальном выпуске журнала "Альтернатива" "Многоликая Грузия" в 2006-м появились переводы 23 местных русских авторов (молодых и взрослых), выполненные грузинским поэтом Бату Данелия, - случай беспре-

цедентный. Появились и другие публикации переводов и оригинальных стихов молодежи в грузинских литературных изданиях. На проведенном в 2008 г. "Фондом Ельцина" конкурсе на лучший перевод премия в номинации "Молодое перо" была присуждена Дмитрию Лоскутову, а Марина Ламар была удостоена специального приза, оба они - члены молодежного объединения. Последнюю чере-



ду фактов следует выделить и как свидетельство начавшегося сближения двух литературных реальностей - грузинской и русской, - существовавших много лет в не совмещавшихся пространствах.

Объединение с 2005 года издает сборник "Молот О.К.". А, кроме того, не шибко, но все же идет серия "Библиотека Молотка" - вышли сборники М. Ламар, Юлии Ключниковой, Д. Лоскутова. В 2007-м появился первый выпуск альманаха избранных стихов - "Девять молодых поэтов Тбилиси".

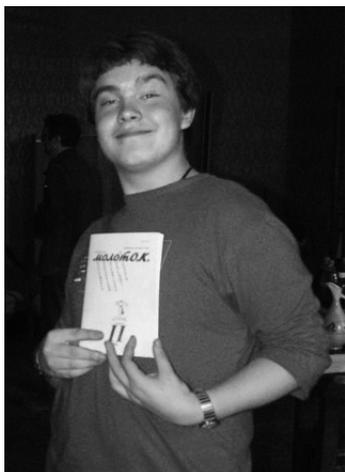
Михаил БЕДЕНЕИШВИЛИ
Тбилиси: до и после // Знамя.
№2, 2009



ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ЛИТО “МОЛОТ О.К.”



В Малом зале Тбилисского Государственного Центрального театра им. Нодара Думбадзе состоялся литературно-музыкальный вечер поэтов и музыкантов из объединения “Молот О.К.”, организованный при содействии Союза российских соотечественников “Отчизна” под руководством Валерия Сварчука.



Таким образом “молотковцы” отметили свой третий день рождения, что не принято считать датой юбилейной, однако в наши нестабильные времена и этот срок следует признать достойным празднования. Примечательно, что к участию в собраниях привлекаются и школьники, трое из которых, Анна Цилосани, Андрей Авалов и Сергей Горлюков, дебютировали перед публикой с первыми пробами пера именно на этом вечере.

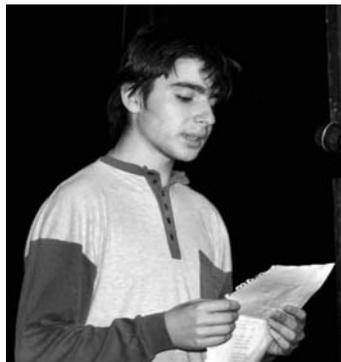
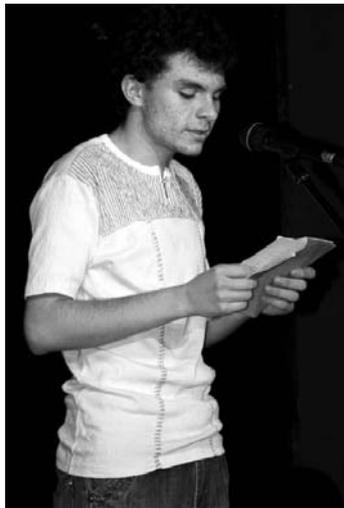
Кукури МДИВАНИ “Молот О.К.” набирает высоту // АиФ, №47, 2008

“Молот О.К.”, с каждой встречей отдаляясь от параметров литературного семинара, приобретает черты экспериментальной студии, своего рода арт-лаборатории, где, говоря громко, возможно все. Здесь проводятся занятия по стихосложению, образовательные опыты по анализу и критическому разбору текста, литературные игры, читаются лекции по современному искусству, приглашаются гости - поэты, филологи, искусствоведы, осуществляет-



ся проба сил в драматургии и театральных постановках по пьесам собственного сочинения. В завершении любой встречи всем присутствующим (и впервые присутствующим на встрече - наравне со “старожилами”) предоставляется возможность, по желанию, показать новые произведения (стихи, прозу, рисунки или оригинальное замечание о смысле жизни), если такие имеются.

“Молот О.К.” активно переводит на русский язык произведения современных грузинских поэтов. А это - Отар Чиладзе, Шота Иаташвили, Мак-



вала Гонашвили, Наира Гелашвили, Давид Чихладзе, Зураб Ртвелиашвили, Лела Самниашвили, Ника Аревадзе, Майя Микаберидзе, Резо Гетиашвили, Рати Амаглобели, Теона Бекишвили, Элла Гоцишвили, Георгий Бундовани, Георгий Лобжанидзе, Алеко Цкитишвили, Русудан Каишаури, Майя Саришвили, Давид Робакидзе, Заза Тварадзе, Звиад Ратиани, Гага Нахуцришвили.



С Тбилисским клубом авторской песни “Маленький оркестрик” связывают “Молот О.К.” не только барды, читающие на “Молотке” свои стихи (они же поэты, поющие в “Маленьком оркестрике” свои песни). Связывает дружба и желание делать хорошее дело вместе.

В “Молот О.К.” как самостоятельная единица входит рок-группа “Пилигримы”, включающая в себя пятерых авторов, постоянно посещающих встречи “Молотка” и публикующихся на страницах молотковских сборников.

Помещение для проведения концертов, вечеров, спектаклей - т.е. для осуществления творческих задумок литературного объединения “Молот О.К.” - в разное время представляли Союз писателей, Театр имени А.С.Грибоедова, Театр имени Н.Думбадзе (ТЮЗ),

“Кавказский дом”, что в нынешних условиях можно оценить не просто как сотрудничество, а как серьезную поддержку. С января 2009 года лито “Молот О.К.” совместно с Союзом “Ассоциация литераторов - АБГ”, в состав которого он входит в качестве молодежной секции, выпускает литературно-аналитическую газету “Лист О.К. АБГ”.

Дмитрий Лоскутов “Молот О.К.” - былое и думы”. Сайт лито “Молот О.К.”



...Мне приходилось бывать в качестве гостя на встречах литобъединения. Могу сказать непредвзято: не все занятия проходят ровно, не на всех случаются творческие открытия, как и все люди, участники МОЛОТка подвержены перепадам настроений и жизненным неурядицам, но здесь, в этом сообществе пишущих, действительно, происходит что-то важное, и это важное с полным основанием можно назвать настоящей творческой жизнью.

Елена ЧЕРНЯЕВА Золото и лазурь. Сайт лито “Молот О.К.”



Элла ГОЧИАШВИЛИ

ЕСЛИ ЛЮБИЛА ЕГО, СХОРОНИ

Схорони мертвеца,
Скорее, скорей схорони мертвеца.
Пока он еще похож на того,
Кем был,
Кого ты любила.
Пусть эта схожесть не остановит тебя,
Не введет в заблужденье,
Опомнись
И в чистой земле былого
Схорони мертвеца драгоценного.
Чем сильнее ты любила его,
Тем усердней должна схоронить.
Скорей схорони!
Пока запах от жизни оставшийся
Не собрался, как шлейф, не развеялся,
Пока на него черви сытые не
набросились,
Схорони мертвеца драгоценного.
Вот лопата!
Вот гроб!
Вот гвоздь!
Возьми это все, схорони его!
Укрой одеялом,
Утепли и в прошлом оставь навечно,
И не выкапывай.
Если и впрямь любила, схорони.
Если и впрямь любила, оставь его там.
О, способная на любовь!
Не считай меньшим дара любви
Искусство и дар
Схоронить мертвеца драгоценного.

Перевод Дмитрия Лоскутова

“МОНТЕККИ” И “КАПУЛЕТТИ” - ВСЕМ ДОСТОЙНЫМ ПОЭТАМ

Узлами вражды крепкими
Не-вражды связаны сети.
Сделай больше, Монтекки, и
Полюби меня - Капулетти!

Кровные узы, дружбы нить...
Ах, что до них Джульетте!
Юный Монтекки должен любить
Всех Капулетти на свете.

Должен. Иначе - мгла, муть,
Накипь. И гнев погоды...
Монтекки, прочувствуй, проникни
в суть
Таких явлений природы.

Раз!..вели (между нами) арку моста,
Он распался на два обелиска.
Шутка. Злая. Зато - красота!
Перепрыгни, Монтекки,- тут близко!

А фамилии наши - почти невесомы,
Как кошелек без меди.
Этим клеймом мы помечены оба -
“Монтекки” и “Капулетти”.

На глину вслепую лепи заплаты,
На нервах - и в пируэте.
Мы оба с тобою - аристократы,
Монтекки и Капулетти.

Видишь? Что между строк залегло,
С годами - сквозь прорастает...
Ты понял? Иначе и быть не могло,
Монтекки - всегда понимают.

Сумел не-вражду в любовь превратить?
Этого мало Джульетте.
Должен, Монтекки, ты полюбить
Всех остальных Капулетти!

Перевод Сусанны Арменян

Ника ДЖОРДЖАНЕЛИ

ПАМЯТИ ЖИВОГО

Лежишь с телеграммой, которой
лет двадцать, в руке,
На той стороне, где потом
остановится сердце.
И гвоздь попадет не в ладони,
не в стопы тебе.

Прямехонько в лоб тебя ждет попадание это.

И все ж не признаешься: вот он,
ничтожный конец.
Античной трагедии суть ты собой усугубил.
И плачешь, порой, как гетера, которую спец
Насильно увез из Европы
в бордели Стамбула.

И пара коньков подломилась в мозгу на бегу.
Без света живя, ты глазеешь на свет маяков.
И всё всё равно: то ли в зеркале видеть тоску,
А то ли взирать на нее из него.

Перевод Елены Черняевой

Шота ИАТАШВИЛИ

И ЖИТЬ ОН ХОЧЕТ

По небесному прет погосту
Облака белая кожа.
Умираю я очень просто,
Умираю я очень сложно.

По погосту небесному прет
Белая облака кожа.
Умираю. Готовься, черт!
Умираю. Готовься, Боже!

Проплывает весь белый и бодрый
Самолет. Помахал крылом.
Умираю, как очень добрый,
Умираю, как очень злой.

Под конец, все такой же белый,
Самолет проплывает лодкой.
Умираю я очень блеклый,
Умираю я очень четкий.

Мерцание точек-звезд,
Прогулка пятна-луны...
На выдохе произнес
Лишь гласные э,.. а,.. о,.. и.

Тихое звезд мерцанье,
Бледность луны пятна.
Жизнь - самоотрицанье.
Смерть - это жизнь сама.

Хлеба без плесени мало,
Масло - из сливок негодных.
Так умираю, усталый,
Так умираю, свободный.

Каждую ночь умираю,
Взаправду и напоказ
Тот, кто так смерти желает,
Жить желает как раз.

Влачит свою тихую грусть
Облака белая кляча.
А я, умирая, смеюсь,
А я, умирая, плачу.

Перевод Марины Ламар

* * *

Фарфор,
лукавый,
он будит во мне желание разбивать.

Лия СТУРУА

СОНЕТ В ЗЕРКАЛЕ

Стих - это не изображение жизни.
Сонет - не очерк. Он, скорей, Нарцисс!
Ему нужна река с теченьем вниз
И отражение - предтеча тризны.

К кому прикован насмерть ты любовью,
Сонет мой? Чья коварная рука
Невыносимый облик двойника
Так утонченно заострила болью

И, погубив, бессмертие дала?
Кого скрывают гладью зеркала?
Кто так прекрасно дик, так щедро вечен?

Скажи, чьи это худенькие плечи
Противу мненья общего стоят?
Храни нас Бог!.. Я вижу - это я.

МНЕ СТРАННО

Спаслась от смерти. Радуюсь? Не знаю.
Не преступила черную кайму.
Но готику, что вырвалась во тьму,
Я с верой и свечой не догоняю.

Бумажные цветы вокруг. Кому?
Вошенная веревка. Я, босая,
Во сне ступени серые считаю
И, мертвая, бегу, бегу - к нему!

Меня спасли. Но, видно, сроки вышли.
Мысль странная мне голову томила,
Что из Тбилиси в рай - кратчайший путь.

Глаза открыть, и в этом смысл и суть:
В его руках пригоршня спелой вишни...
Но как проснуться - ведь меня убили.

ГАМЛЕТ

Как ветер в окнах голову морочил!
Как пели нам цикады до утра...
Всё в прошлом. А сейчас - прожектора
Не вырвут из кошмара дня и ночи.

Мне выбрали театр, эпоху, позу,
Отчаяния маску - на века.
Косится зло атласная щека.
И принца речь таит в себе угрозу.

Но я должна любить его, пока
Во мне моя наивность не остынет.
Чтоб сорок тысяч братьев нам простили

Мое безумие и яд клинка.
Что скрою я цветочками простыми?
Кто мне поверит - зал или река?

Переводы Марии Фарги

Должен вдребезги,
пока не попробовал множество губ,
пока пыли на коже своей не набрал,
покуда не сгнил.

Таково его свойство.

А когда в него льют кофе с пеной,
закипает смола в аду,
и фарфор
(о, какую он жажду во мне
распалает все разбивать!),
он страшен,
прекрасен
и беззащитен.

Его сладкая участь: осколками
вдребезги об пол,
в нас и в воздухе тихо звенеть.
И сейчас - и сегодня - и завтра -
и после - потом
дух мятежный фарфора
должен вдребезги и:
таково его свойство.

Перевод Анны Лобовой

Зураб
РТВЕЛИАШВИЛИ

...И БЫЛО СЛОВО

Сорвалось с чых-то губ,
Коснулось слуха
Чьего-то. Не во зло. И -
Не во благо.
Простое слово,
Безо всякого значенья.
Объемлющее
Бесконечность пустоты...
Или, возможно,
Не слово вовсе...

Перевод Сусанны Арменян

ШУМ

Золотой ветер в тишине
золотой ветер
тайно шепчу желание
остаться в этом шатре
Не играть с мелкой зыбью
в золотой воде
Тайно шепчу желание
обратить в золото
воду и ветер
Заплетать с легкостью ветра

косы дорог...
непроходимые чащи
будят желание...
Золотой ветер в тишине
золотой ветер
Вливаюсь счастливый
в шальные потоки
Пусть не пробиться мне
золотым лучом
к развилкам дорог
пусть душит желание
не заполнить
золотую тишь...

Перевод Ады Пленинг

Лела
САМНИАШВИЛИ

* * *
То, что в горсти сжимаю -
ключи,
чтоб двери открыть, конечно, -
тех башен, где королевичи
прячут красавиц, как прежде.

Красавицы ткут, или, нежась в кровати,
мечтают - свободны от сонных заклиний.

Перевод Анны Лобовой

СЧАСТЬЕ

Послушай, Расскажи мне о счастье.
Когда-нибудь оно происходит?

Стакан полон меда - красуясь -
заглядывает в нас с тобой, но
умирающее тельце пчелы,
как сокровенный взгляд,
в сердце сверкнуло.

Протяни мне ложку из серебра.
я бережно скрою
золотистые крылья,
чтобы твои губы освобожденно
приникли к меду в нашем стакане.

Но ты увидишь
мальшку, забытую богиню этого
счастья,
так незримо проглядывающую в
нежности меда,
чтобы доказать свое существование,
чтобы освятить нас.

Перевод Игоря Эйбова

С МОЛОТКА О “МОЛОТКЕ”



Сусанна АРМЕНЯН:

Почему паук плетет паутину? Почему мы дышим? Почему пламя обжигает, а песок сыплется сквозь пальцы? (Ну, отчего люди не летают, мы уже знаем - от гравитации!) Стихи не спрашивают, можно или нет. Приходят не вовремя, вскакивают, как прыщ на лбу. Ничего тут не поделаешь. Я наверное поэт. Но на уровне деревенского шамана. Никогда не понимаю, что творю и почему не получается или получается.

Иногда то, что не удается выразить стихами, приходится рисовать. Или петь. Или писать прозой. Ты просто вынужден найти способ. И в этой вынужденности и есть свобода творчества.

Но это, наверное, как любовь: что хочешь с ней делай, а она все равно есть.

Мы тут на “Молотке” все разные, хотя нас объединяет многое. Творчество, к примеру... Мы настолько разные, что нам интересно друг с другом. И мы можем - прямо или незаметно, - многим поделиться. Изменить друг друга. Измениться самим. Вырасти в творческом плане - и в личном.

Я думаю, мы не только компания поэтов. Мы уже театр. И дело не только в спектакле (который мы сделали не для того, чтобы бичевать “Подругу”, а для того, чтобы сдружиться в команду благодаря общему делу).

И в этом театре будут не только новые спектакли, но и песни, стихи, рисунки, в том числе сборники Молотка. Все вписывается. Надо только придумать, чтоб было веселее.



Ада ПЛЕННИНГ:

...Хорошо, когда человек может высказаться, а еще лучше, если есть кому послушать. Да и не только, но и понять, поделиться мнением, дать дельный совет, сказать что-либо новое, интересное, и много, много чего еще можно услышать и пообсуждать в поэтическом кружке “Молот О.К.” Чего я жду в дальнейшем от поэтического клуба, так бы хотелось назвать наше объединение... Главным образом, общения и взаимопонимания, а также определенного роста и развития литератора в этом роде творческой деятельности.

Как оказалось, современная поэзия (имеется в виду русскоязычная в Грузии) не только существует, но и довольно деятельна и прогрессивна. М.Ляшенко и А.Шахназарова просто, доступно, ненавязчиво помогают молодому автору понять и найти свое место в столь пестром и порой противоречивом мире современной литературы. Здесь каж-

дое явление осмысливается и называется своим именем. Такого рода поддержка придает огромную уверенность, силу, дает стимул творить новое. Спасибо, что есть место, где тебя принимают в чистом виде.

Смею надеяться, что наше творческое объединение не только будет расти, но и привьет определенный взгляд, и, возможно, новое видение современной поэзии.



Лали ЭЛИЗАРШВИЛИ:

Я попробовала переводить, и мне понравилось. Считаю это занятие крайне полезным. Интереснее всего стало после выпуска первого номера, потому что это было связано с началом какой-то деятельности. Я имею в виду первую презентацию и подготовку к ней. Обожаю, когда люди заняты одним каким-то делом и каждому в этом деле отведена своя роль. Люблю это! Не думала, что будут иметь место такие мероприятия, как постановка спектаклей, всякие там презентации. Но, по моему, это, кроме того, что интересно и весело, играет роль клея, который не дает “группировке” распасться.



Ира ПАРОШИНА:

Слово “поэзия” - это конфетная обертка: что завернешь в нее, то и будет. :) “Стандарт качества” того, что под оберткой определяют производитель и потребитель... Итак, назвать нечто “поэзией” - это только обернуть неким фантиком свое творчество.

“Поэт”. Ну, это звучит гордо. Удостоиться подобного прозвища сродни тому, чтоб получить медаль на ленточке. Приятно. А получение такой медали значит только одно: другие тоже оценили то, что приносит тебе (автору) удовольствие.

Будущее Молотка... Достаточно будет хорошего человеческого общения. Будет защита интересов творческих человек от окружающего формализма. Но будет в нем и достаточно лишнего и чужеродного. В общем, ОК.

А чего хотелось бы... Хотелось бы: нетерпимости к штампам. И чтоб оставалась существующая легкость в общении.

*В выпуске использованы фотографии:
Наталии КОЧЕТКОВОЙ,
Елены НИКОЛАЕВОЙ,
Алены ДЕНЯГИ,
Сусанны АРМЕНЯН,
Александра СВАТИКОВА,
Федора ЗУРАБИШВИЛИ,
Дмитрия ЛОСКУТОВА.*

ОСЕНЕННЫЙ ВЕЩИМ ЗНАКОМ

К 85-летию со дня рождения Георгия Маргвелашвили

Время чрезвычайно тесно, а мозги, как кувшин с водой, надо беречь, чтобы не расплескать мысли. Необходимо писать, словами и образами можно беречь...

Чтобы писать - надо никуда не спешить и беречь свой кувшин мозгов, не расплескать...

Борис ПИЛЬНЯК, "Расплеснутое время"

Для кого-то литература - это управляемое сновидение (Х.Л. Борхес), для кого-то она всегда ностальгия (В.Аксенов). Гия Маргвелашвили ею жил.

Творчество грузинских поэтов, стихи о Грузии русских собратьев, переводы с грузинского на русский и дальнейшая популяризация их творчества... Сколько русских имен благодаря ему узнали в Грузии, сколько грузинских - открыты им для России!

Но вернемся к началу...

Над каждой страной дуют свои ветры... Ветры человеческих судеб... Кто только не испил чашу сию в эпоху революций, войн...

Родители Гии Маргвелашвили выстояли. Мать, Александра Дарахвелидзе, революционерка, дважды была репрессирована. Отец, Георгий (Гриша) Маргвелашвили, врач, по редкой тогда случайности избежал этой участи.

В 1923 году родился будущий публицист, литературный критик и переводчик Георгий Маргвелашвили.

Окончание школы (Первая средняя г.Тбилиси) совпало с началом войны. Из-за сильной близорукости Гию не взяли на фронт, и он работал на Кировском заводе токарем. Затем поступил на филологический факультет Тбилисского университета, где и познакомился с Этери Думбадзе, подругой и соратником всей жизни. В этот период (середина 40-х годов) Гия и Этери - участники тбилисского кружка "МОЛ" - "Молодые литераторы". Руководил ими Георгий Владимирович Крейтан, потому и их литературные чтения называли "крейтаниками". Членами группы были Николай Шахбазов, супруги Густав Айзенберг (Анатолий Гребнев) и Галина Миндадзе, Тадевос Бархударян (псевдоним Федор Колунцев), Седа Григорян, Элла Маркман, Виль Орджоникидзе, Борис Резников, Нана Горенбург. В 1947 году Георгий Маргвелашвили - студент только что от-

крывшегося Московского литературного института им. Горького. Аспирантура. Чтение лекций в Литинституте. Работа ответственного секретаря в "Дружбе народов" и "Литературной газете".

По возвращении в Тбилиси работает в отделе критики грузинского журнала "Мнатоби" ("Светоч"). С 1968 года он становится ведущим научным сотрудником Института истории грузинской литературы имени Шота Руставели АН Грузии. В течение двух лет автор рубрики "Малая антология советской грузинской поэзии" на страницах республиканской газеты "Сельская жизнь". Наконец, журнал "Литературная Грузия", где им основана рубрика "Свидетельствует вещий знак" - детище, постоянно требующее от него гражданского мужества.

В 2006 году в ежеквартальном журнале "КОРОСТЕЛЬ. Письма из России" в рубрике "Гость" были опубликованы стихи тбилисского поэта Владимира Саришвили со вступительной статьей со-редактора, переводчика и поэта Владимира Леоновича:

"Приветствуя поэта, добрым словом помянем Георгия Маргвелашвили, "дядьку" русских поэтов, многих и разных, - от Беллы Ахмадулиной до Светланы Кековой.

"Свидетельствует вещий знак" (Есенин) - под этой орифламмой "Литературная Грузия" публиковала добытые Гией стихи официально "мертвых и хулимых" Мандельштама, Пастернака, Цветаевой, Ахматовой, Нарбута, Лифшица, Заболоцкого - вместе с вещами молодых..." Каким же "дядька" русских поэтов запомнился своим современникам?

Вот одно из посвящений Беллы Ахмадулиной из сборника "Сны о Грузии" (редактор-составитель Георгий Маргвелашвили):

"Спасибо, мой Гия. Мной принят намек/ В моем сновиденье зияют ошибки./ но смысл его прост: ты покинуть не смог/ мой сон без твоей неусыпной защиты".

Осененные вещим знаком его поэты - коллеги, друзья, единомышленники. Он писал с них литературные портреты, незаказные, импровизированные очерки, где присутствовал сам, чутко чувствующий. Благодаря этому многие его любимцы запомнились, и, как итог этому, в свет выходили томики их стихов. Ушел портретист, но память в книгах осталась и по сей день жива.

Наверное, кто-нибудь из современных публицистов, следуя за модой, назвал бы его дело имиджмейкерством. Он "взрастил" целую плеяду молодых поэтов и переводчиков: Леонид Темин, Наталья Соколовская, Светлана Кекова, Анна Бердичевская, Светлан Семененко, Алла Беридзе, Екатерина Квитницкая, Дмитрий Беридзе...

Одна из его книг - "Свет поэзии". Для Гии было необходимо не только самому ощущать его, но и передавать другим. Эпиграфом к вступительной статье об Осипе Мандельштаме стали мандельштамовские строки: "... И у звезды учись/ Тому, что значит свет".

У Герберта Уэллса есть философский рассказ "Зеленая калитка". Есть человек, а в его жизни случается разное - и горе, и радость. И однажды, идя по улице, перед ним на обычном заборе возникает зеленая калитка, а за ней - дивный, сказочный сад.

В своем выступлении на декаде грузинской литературы и искусства в Москве Евгений Евтушенко сравнил грузинскую поэзию с такой вот калиткой: "Где бы вы ни были, она всегда гостеприимно светится перед вами..."

Такой же калиткой для многих стал дом Гии Маргвелашвили, который помогал зажечь в жизни поэтов зеленый свет.

"Хранить на земле человечность". Так названа одна из многочисленных литературных статей Гии. Это стало призванием жизни.

Двери их дома на улице Барнова (сегодня И.Абашидзе) всегда были открыты для гостей... Сюда приезжали найти человеческое тепло и счастье узнать Грузию. Здесь так любили принимать. Гостеприимный дом, где каждый чувствовал себя не гостем, а родственной душой семье Маргвелашвили-Думбадзе. Здесь подолгу гостили приезжие поэты Илья Дадашидзе, Владимир Леонович, Ян Гольцман, Александр Величанский...

На чай - поговорить, почитать, послушать - собирались тбилисские друзья: Кирилл Зданевич, не последовавший за братом Илейей за границу (и потому не избежавший репрессий); Давид (Додик) Давыдов, талантливый тбилисский фотограф; Татьяна Шевякова, художник-искусствовед, влюбленная в Грузию, автор многих копий грузинских фресок; художники Георгий (Жора) Зурабов и

Лери Чочиа, самобытная Гаянэ Хачатурия; поэт-переводчик Александр (Шура) Цыбулевский; актриса Медико Лордкипанидзе; замечательная пара, ближайшие друзья Борис и Алла Парцхаладзе; редкие, но дорогие москвичи Константин Симонов, Булат Окуджава, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина с супругом Борисом Мессерером...

Наверное, одними из последних в Тбилиси, Гия и Этери приобрели телевизор. Они предпочитали разговоры живых людей, походы в живой театр. Их можно было видеть спешащими к друзьям - Эличке Ахвледиани или Вахтангу Чабукиани. Всегда ласковые друг к другу, всегда под ручку.

А книга "Искусство слова. Слово об искусстве" - их совместный сборников очерков и статей - дань друзьям.

В течение многих лет Гия состоял членом Международной ассоциации литературных критиков. На стажировку к нему приезжали литераторы, переводчики - Серена Витале, Луиджи Магаротто и другие. Впоследствии стало известно, что Гие неоднократно присылали приглашение на участие в конференциях, но ему об этом даже не сообщали. Лишь в 1974 году, пока ассоциация не выдвинула требования - "Никого кроме Георгия Маргвелашвили не присылайте, ждем только его", Гие позвонили сообщить о предстоящей поездке.

"Меня вызывают в Италию", - озадаченно-разочарованно сообщил он домашним.

Последним в свою очередь пришлось буквально насилу вытолкать его, традиционно-образцового домоседа. Этери и полный дом гостей были его крепостью. "Наш остров в океане" - так назывался семейный альбом, куда вклеивались Гиины и общих друзей посвящения Этери, а еще старые фото, зарисовки друзей и безобидные карикатуры.

"Лурджа - сказочный конь. Его обладателю он приносит счастье - победу над врагом, богатство, радостную жизнь...". Это из рецензии Гии Маргвелашвили на фильм молодых режиссеров Тенгиза Абуладзе и Резо Чхеидзе "Лурджа Магданы" (1955 год).

Наверное, для семьи Гии таким Лурджей были животные, которые на правах любимцев заселяли многолюдную, шумную квартиру на Барнова. Этери и Гия подбирали бездомных больных собак и кошек, подлечивали, подкармливали, а потом оставляли насовсем.

Нельзя не вспомнить о фильме 1971 года "Жил певчий дрозд" Отара Йоселиани, трогательную драму о суете сует, где в

одной из сцен задействован и Гия (режиссер приглашал на роли непрофессионалов) - в роли трогательно добродушного инспектора оркестра.

Главный герой бежит-спешит по жизни, несерьезно разменивает ее и себя, откладывая все на потом. А "потом" не стало: он, "певчий дрозд", нелепо погибает. В конце фильма время мифологизируется и судит героя... Но нужно помнить: пока еще в запасе песок времени, надо жить полной жизнью, не терять ни секунды.

"Словно прахом всех лет прожитых,/ он страницами стол забросал./ Ветер дул, и, пока не зачих,/ человек все писал и писал..." (Отар Чиладзе, пер. Е.Евтушенко) В 1973 году выходит "Галактион Табидзе. Лирика" (Гия выступил соредктором), куда вошли многие переводы самого Маргвелашвили. Галактион был его кумиром. "Вот сижу и пишу. Лунный свет - словно дым./ И колеблет свечу ветерок-нелюдим.../ Внемлем гласу судьбы - я и ночь, я и ночь..." (пер. Г.Маргвелашвили).

В 1983 году под его редакторством вышел сборник "...Если пелось про это" (Грузия в русской советской поэзии), составителем был Константин Симонов.

Старшие друзья Маргвелашвили, собирать по перу - историк Павле Ингоркова, поэты Симон Чиковани, Гогла (Георгий) Леонидзе. Это была священная зона для Гии.

До последних дней своей жизни Маргвелашвили работал над расширенным сборником с новыми переводами Георгия Леонидзе. Сборник был готов к изданию с Гииным предисловием, но буквально в дни похорон Гии сборник вышел ... со вступительным словом другого автора.

Гия Маргвелашвили даже в болезни (в последние годы его диабет обострился) не давал себе расслабиться, продолжая осуществлять свои замыслы.

Дружеские отношения связывали семью Маргвелашвили с Надеждой Яковлевной Мандельштам, дочерью Бальмонта - Ниной Константиновной и сестрой Марины Цветаевой - Анастасией. В 1988-89 перед уходом им была подготовлена подборка очередного "Вещего знака", куда должны были войти произведения и Аси Цветаевой. Но новое "свидетельство" в "Литературной Грузии" так и не увидело свет даже после смерти Гии.

То же самое постигло очередную книгу серии "Россия - Грузия. Сплетение судеб. Век XX" о Борисе Пастернаке. В редакции рукопись бесследно исчезла. Все старания дочери Лали Маргвелашвили найти материалы оказались безуспешными. Порой время предстает, как живой орга-

низм, течет оно и изменяется. А дальше что? Бесконечность... Infinitum... Мы можем сказать, что настоящее - последний день прошлого, завтра зарождается сегодня, минута назад - это прошедшее, а минута следующая - будущее. А еще время бывает непростым. Но разве когда-нибудь оно было простым для людей творчества? Исполнок веков литература была в зависимости от "бега" времени. И рождались герои не нашего времени, и не было пророков в своем отечестве, и всегда вставал вопрос - кто же судья судеб литературных? И когда они низвергнуты, поправаны, замолчаны, запечатаны тридцатью девятью печатями, как быть? Как выстоять в таком времени? Современные поэты знают - по давней доброй традиции приезжать в Тбилиси и переводить грузинскую поэзию.

Из поэтической книги Евтушенко "Тяжелее земли", которая начинается со стихотворения "Мой Тбилиси" - посвящения Гие, редактору-составителю сборника: "Кто уезжал, тот знает непреложно - / уехать из Тбилиси невозможно. / Тбилиси из тебя не уезжает, / когда тебя в дорогу провожает".

Рукописи не исчезают, они остаются потомкам доказательством тому, что время имеет не столь объемлющую власть. И таким образом, писатели не дают человечеству превратиться в "машину забвения".

В 1989 году в 65 лет Гии не стало. Из Москвы приходили телеграммы: "Нас будет намного меньше без Гии", - писатель и поэт Виталий Коротич, "уходит наша тбилисская юность", - драматург и киносценарист Юлиу Эдлис, "Какая страшная несправедливость", - поэт Булат Окуджава. Проводить в последний путь приехали Евгений Евтушенко, Светлана Семеновна, Ян Гольцман...

В этом году исполняется 20 лет, как его нет с нами.

В своей автобиографии Гия писал: "Бескорыстные самоотдачи - главный для меня смысл и урок жизни моей матери". Эти смысл и урок Гия оставил в наследство новому поколению.

В царство теней на свое новоселье/ Перенесусь, словно вихрь, на лету./ В пьяном угаре, в бессонном похмелье./ Изнемогая, покой обрету... (из перевода Г.Маргвелашвили галактионовского "О, богородица, дева Мария!")

На одной из картин Жоры Зурабова, она условно названа "Парнас", за красочным столом сидят улыбающиеся, веселые Гия, Этери, Шура Цыбулевский. Удивительная по гамме красок, картина насыщена энергетикой доброты и любви. Парнасовцы ушли, но грусти нет. Они остались в вечном свете поэзии.

Алена ДЕНЯГА

На тифлисском Парнасе 1917 - 1921 гг.

Колау ЧЕРНЯВСКИЙ

В литературной истории Тбилиси, хорошо, казалось бы, известной на популярном уровне и научно исследованной, есть, однако, весьма любопытные “белые пятна”. Одно из таких пятен - период 1917 - 1921 гг., совпавший с недолгой послереволюционной независимостью Грузии. По существу, это и одна из непрочитанных до сих пор страниц Серебряного века, и неосознанное начало русского зарубежья, точнее, его репетиция.

После продолжительного мусульманского влияния грузинская литература, перманентно европеизировавшаяся со времени присоединения Грузии к Российской империи в начале XIX века, в преддверии революции 1917 года выходит на новый виток развития, отмеченный возникновением грузинского символизма. С появлением вследствие гражданской войны эмигрирующих сюда деятелей русского искусства культурная жизнь столицы Грузии приобретает особую интенсивность и многообразие, что позволит позже некоторым исследователям определить этот период как “тфлиссский ренессанс”.

Двигаясь на юг, ведущие представители русского символизма, акмеизма и кубо-футуризма (такие, как Сергей Городецкий, Вячеслав Иванов, Василий Каменский, Алексей Крученых, Сергей Маковский, Осип Мандельштам, Сергей Судейкин и Максимилиан Волошин) продолжали печатать свои произведения, читать доклады, выступать, рисовать, полемизировать..., - пишет известный знаток русского искусства профессор Джон Боулт. И он же о Тифлисе того времени: ...Этот город представлял собой средоточие творческих экспериментов, питомник весьма разнообразных культурных феноменов: в кафе “Химериони”, открывшемся в апреле 1919 года, поэты группы “Голубые роги” читали свои стихи в стиле позднего символизма; можно было послушать также чтение заумных стихов Крученых или Терентьева; можно было посетить занятия в Институте гармонического развития человека Георгия Гюрджиэва или увидеть сказочный танец Со-

фии Мельниковой в театре миниатюр; можно было поучиться в классе Генриха Нейгауза в консерватории или пойти на концерт, устроенный Николаем Черепнинным, его сыном Александром и Фомой Гартманом (Томасом фон Хартманом) в Театре оперы и балета; можно было увидеть новые работы Гудиашвили, Давида Какабадзе и Якова Николадзе на “Первой выставке грузинских художников”, а потом попробовать свои силы в понимании текстов газеты “41°”, единственный номер которой вышел в июле 1919 года¹.

Тбилиси - странный город, а в 1919-20 годах он стал еще страннее², - пишет лидер грузинского символизма Григор Робакидзе. Город до самого недавнего прошлого предъявлял себя, как живой музей сочетания несочетаемого, открытой и преобразующейся формы. На рубеже веков и в первое десятилетие XX в.- это экзотичный, многонациональный, поликультурный центр, конгломерат Востока и Запада - густая, пестрая фактура места, природный артистизм народа, подвижность жизни, несущая осязаемую реальность времени, впитавшая и предъявляющая живые срезы разных и разнообразных географических и временных пластов, вездесущий европеизм, стремительно и плодотворно усваиваемый с восточной пассионарностью, уклад и живое бытование “цветущего” средневековья Грузии...

Литературная реальность 1917 - 1921 гг. интересна и отдельными персонажами, некоторые из которых позже войдут в хрестоматию, другие же уйдут в благородную тень, и тем, что здесь представлен практически весь спектр тогдашнего российского Парнаса. На правом фланге тут можно найти неоархаиков и крестьянских поэтов, чуть левее - грузинских символистов ордена “Голубые роги”, два Цеха поэтов - относительно правый, акмеистический Сергей Городецкого и левоуклонистский “Кольчуга”, эксцентриков-одиночек, позиционирующих себя в качестве футуристов и, наконец, самую радикальную авангардную группу в тогдашней России и ее окрестностях - “Компанию 41°”, которую принято ассоциировать с народившейся чуть раньше в Цюрихе группой дадаистов. Ядро “компании” составили Алексей Крученых, к тому времени уже серьезный авторитет русского авангар-

да - член группы “Гилея” и изобретатель зауми, Илья Зданевич (он же Эли Эганбюри, а позже Ильезд), поэт и теоретик группы Ларионова, скандально известный на всю Россию эпатажной пропагандой авангарда, и, дебютировавший в Тифлисе Игорь Терентьев. К этому - по выражению Терентьева, - “дуэту трех идиотов” примыкают местные молодые левеющие художники - Зига (Сигизмунд) Валишевский, Ладо (Владимир) Гудиашвили, Александр Бажбеук-Меликов, Кирилл Зданевич (брат Ильи) и поэты - армянский футурист Кара-Дарвиш и Колау (Николай) Чернявский.

...Он принадлежал к тем чудакам, которые не только украшают, как принято думать, жизнь, а дают ей, кроме того, прочную основу. Он был влюблен в Грузию и потому звал себя не Николаем, а по-грузински - Колау³. Так отзовется о Колау Чернявском Константин Паустовский, живший в начале 20-х годов в доме Зданевичей и близко знавший поэта.

А сухо перечисляя: Николай Андреевич Чернявский (1897 - 1943), поэт, переводчик стихов и прозы с французского, грузинского, армянского, искусствовед, собиратель кавказского фольклора, журналист и, наконец, сын гражданского губернатора Тифлиса. Учился в Казанском университете, который не закончил, *...входил в кружок поэтов под руководством Н. С. Гумилева⁴, - как он сам напишет, был знаком с Блоком, прятельствовал с Маяковским, дружил с высоко его ценившими Галактионом и Тицианом Табидзе, Паоло Яшвили, Николо Мицишвили, Иосифом Гришашвили... словом, со всем тфлиссским Парнасом межвоенной поры. Снимался в кино. В тфлиссской профессиональной среде его называли Хаямом за пристрастие к стихотворным миниатюрам и ходячей энциклопедией. Познания Чернявского в любой области были поразительными, суждения - резкими и нетерпимыми, а преданность всем “левейшим” течением в искусстве - безграничной, - пишет Паустовский⁵.*

Интересные воспоминания о поэте, опубликованные в сборнике “Литературная летопись”, оставила его племянница Светлана Игоревна Чернявская: *Дядя, любивший писать стоя, пользовался высоким подоконником, как конторкой. За этой “конторкой” он писал дневник и записывал*



Кирилл ЗДАНЕВИЧ "41° Collaou"
(Портрет К. Чернявского)

воспоминания в свою заветную книгу. Это была очень толстая, в твердом переплете, книга. Часто, записывая, он коротко делился тем, о чем писал. Как-то, весь сияя, выдохнув "Ух, ух!", он сказал мне, что пишет о посещении Блока*. (...) Из этой книги он передал записи о встречах с Владимиром Маяковским А. Крученых для сборников "Живой Маяковский", изданных в Москве в 1930 г.

С этой своей книгой Чернявский никогда не расставался. Носил ее в портфеле, который закладывал за пояс блузы. Об этой, думаю, бесценной книге воспоминаний знали все его близкие друзья⁵. (...) Чернявский любил живопись и понимал в ней толк. ... Он переводил статьи Родена, работал над переводом его книги "Искусство". Чернявский был рыцарем Пиросмани и любил картины тифлисского армянского художника-примитивиста Вано Ходжабегова⁵.

Тут следует упомянуть, что "открывают" живопись Нико Пиросмани, братья Зданевичи с приехавшим к ним в гости из Петербурга коллегой и единомышленником художником Михаилом Ле-Дантю,

* ...В сентябре 1912 года, благодаря содействию писателя Алексея Михайловича Ремизова, Николай Чернявский был принят Александром Блоком. По поводу этой встречи Блок записал в дневнике 20 сентября: "У меня студент со стихами, довольно милый"⁶. Своей матери он написал: "У меня сидит очень милый студент - поэт". Во время этого свидания Чернявский записал, видимо по просьбе Блока, свое стихотворение "Колыбельная"^{**}. Стихотворение это, с пометкой сделанной рукой Блока - "20 сентября 1912 г.", хранится в архиве Блока^{7,5}

** См. публикацию стихов на сс. 22, 23.

они ищут и собирают его работы, организуют экспонирование их на московской выставке "Мишень". Позже, уже в советское время, семье Зданевичей принадлежит основная заслуга в поиске и спасении наследия Пиросмани. Колау Чернявский активно участвует в этом деле.

О своей переводческой работе Чернявский сам пишет в автобиографии 1933 г.: В Тифлисе, Москве и Ленинграде выходили в моем переводе: - поэма Тициана Табидзе "Роальд Амундсен", стихи Симона Чиковани, Д. Шенгелая "Санавардо", повесть М. Джавахишвили "Ламбало и Каша", мемуарные хроники Н. Мицишвили "Эпопея"⁵.

С изданием оригинальных стихов дело обстояло хуже. Дебютировал он, как значится в автобиографии, ... в Казанском студенческом сборнике в пользу голодающих (стихи) - 1912 г. и Петроградском сборнике в пользу жертв войны в 1914-1915 гг. (стихи)⁴. Были и другие разрозненные и не регулярные публикации стихов в России, на Украине и в Тифлисе. Единственный персональный сборник "Письма", включающий 57 стихотворений, был собран доброжелателями и издан в Тифлисе без видимого участия автора в 1927 г. тиражом 1000 экземпляров. Книжка включала самые ранние стихотворные опыты, более поздние стихи и два перевода с французского. В сборник не вошли футуристические вещи, о которых Паустовский пишет: ...Он сначала писал основной текст стихотворения, даже довольно понятный. Но путем типографских ухищрений и игры шрифтов одно и то же стихотворение превращалось в три. Достигалось это тем, что стихи печатались вместе, но тремя размерами шрифтов (...) Чтобы довести писание стихов этим способом (такие стихи назывались симфоническими) до возможного совершенства, надо было знать все шрифты и типографское дело. И Чернявский знал его блестяще³.

Образцы этих опытов сохранились на страницах раритетного издания "СОФИИ ГЕОРГИЕВНЕ МЕЛЬНИКОВОЙ фантастический кабачок", предпринятого Илейей Зданевичем в Тифлисе в 1918 г. Сборник, включающий в себя, помимо стихотворных текстов на трех языках разноплановых тифлисских авторов, искусствоведческую статью, справочно-библиографический и фактологический разделы, и при всем этом необыкновенно целостный и органичный, стал своего рода итогом авангардистских поисков,

как поэтических, так и изобразительных. Считается, что книга эта заметно повлияла на развитие европейского книжного дизайна XX века.

В 20-ые-30-ые годы было принято спрашивать: - "Где служите?" Чернявский всякий раз взрывался: - "Послушайте, я не могу служить, я работаю!" Работал он в редакции журнала "Лава" в Одессе, в Тифлисе же - в городском историческом музее, ... заведовал русским сектором в заводской газете "Гудок". Газета эта широко известна, т.к. ее сотрудниками в разное время были Максим Горький и Константин Паустовский⁵.

Скончался Колау Чернявский трагически в августе 1943 года в инфекционном отделении городской больницы. Его легендарная книга с так и оставшимися не известными стихами, воспоминаниями и фольклорными записями, как пишет его племянница: ...была уничтожена санитарями⁵. Увы.

Один из мемуаристов - Г. Бебутов пишет: Бескорыстный рыцарь поэзии Николай Чернявский был одержим, как Велимир Хлебников, поисками глубин родного языка. И это не единственное, что роднит двух рыцарей авангарда - та же безыгнорность, преданность искусству, романтическое и даже детское восприятие окружающего его мира⁵... И вот еще - из воспоминаний Паустовского: Он мог в проливной дождь позвонить среди ночи у дверей Зданевичей, разбудить Кирилла и прочесть ему последние, дошедшие с севера стихи Хлебникова...³

Анна ШАХНАЗАРОВА
Михаил ЛЯШЕНКО

1 Боулт Д. Игорь Терентьев и Вера Судейкина // Терентьевский сборник, Первый. М., 1996. С.94-95.

2 Робакидзе Г., "Фалестра". Тб., 1989. С. 338.

3 Паустовский К. Бросок на юг // Октябрь. 1960, №10. СС. 107, 108.

4 Выдержки из автобиографии К.Чернявского здесь и ниже приводятся по изданию "Литературис матиане", Министерство Культуры Грузии, Литературный музей Грузии имени Г.Леонидзе. Тб. 1998 г. С.208.

5 О времени, о Николае Андреевиче Чернявском, его родных и друзьях вспоминает племянница Светлана Игоревна Чернявская // Литературис матиане, Министерство Культуры Грузии, Литературный музей Грузии имени Г.Леонидзе. Тб. 1998 г. СС. 197 - 276.

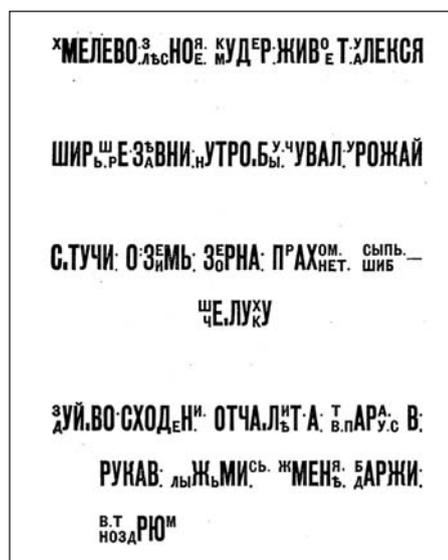
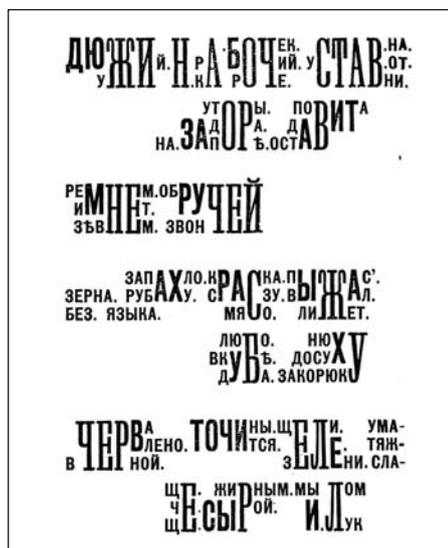
6 А. Блок. Собр. соч., т.7, стр. 157. 1963. М.

7 Роман Тименчик. "Об одном посетителе Александра Блока". "Литературная Грузия". К 100-летию со дня рождения А. Блока. Тбилиси.

См. публикацию стихов на след. стр.

Колау ЧЕРНЯВСКИЙ

Из сборника
"СОФИИ ГЕОРГИЕВНЕ
МЕЛЬНИКОВОЙ
фантастический кабачок"



Кирилл ЗДАНЕЕВИЧ Обложка

Из сборника "ПИСЬМА"

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Рождены мы на закате
Безмятежно золотом,
И с томленьем о возврате,
О бесследно прожитом.

Тот, кто хочет быть титаном,
Будет богом на земле.
Кто хотел быть океаном,
Будет каплей на стекле.

Все, что будет, будет вскоре,
И сплетется мой венок,
И опять в пустынном море
Остаешься одинок.

Забавляешься ты нами,
Неземная глубина,
Будто утлыми челнами
Пеннокудрая волна.

ПУРГА

Вьюга захмелится.
Гикнет - шарахнет.
Глупая метелица
Сучьями пляшет.

Юркими тенями
Бьются куницы,
Мечутся жменями
Дикой пшеницы.

Рвется за форточку
Мальчик с полатей:
- Кинь ты мне горсточку,
Вьюжная мати.

КОРОЛИ ПЕТЕРБУРГА

Возчики мяса в грубых рогожах,
И кровью жертвы горит земля.
Играет ветер в победных рожках
Речных матросов у руля.

И ломовые в полосках алых
Над ледоходом курят всласть.
В этих чернеющих, снежных залах
Ваша воля и ваша власть.

НИКОЛА

Студеница траву пополола,
Раскидала везде пустыри.
Что приносишь, святитель Никола?
- Кровь родную, родная, бери, -

Просочились червонные капли
Сквозь прорехи Николиных рук.
У чела красноперые цапли
Расплескали мерцающий круг.

Улетели в студеные выси.
- О, родная земля, не тужи. -
Разбежались красные рыси,
Расползлися рудые ужи.

1856 год

"*Есть место им в полях России
Средь нечуждых им гробов*"
А.Пушкин. *Клеветникам России*

Они пришли - ведь ты призвал.
Твое хотенье непреложно.
Громам перечайший кимвал
Сменился дудкою тревожной.

Огню Россию обрекла
Стрела гремящего Кронида,
И Ифигенией легла
И воздаянием Таврида.

Еще грозит рука жреца,
Ножом у дрогнувшего горла,
Как вдруг приветствуют отца
В могиле пушечные жерла.

А мать? - Как прежде, отдана
Ты за холопьями - холопу,
И скрежещу я у окна
В пустынно-грозную Европу.

СОН

Здесь подрались они во время схода,
Немало понаделали увечья.
Убитых карточку мне тычет кто-то
И защищает право человежье.

А снимок темен, и не разберу я
На красной жести, все сложив усилия,
Неясным днем - оглобля или сбруя
Лежит в руках у мертвого Василья.

А за околицей деревни ослабели.
- Единоставию противя остальное,
За полем ткнут носатые метели
Осиный гуд зарвавшегося роя.

СЕБЕ

Не сострадай, голубчик, - ты умрешь,
Как тот красноармеец под шинелью,
Узнавший жизни каверзную ложь,
Расстрелянный под синею синелью.
Куда попало, рухнешься, босой,

Глядя туда, куда тебя не надо,
И заришься омытыми росой,
Ресницами невидящего взгляда.

ПО ПОВОДУ

Как будто мы прозрели сквозь обман,
Угарный уголь, доглевая, гас.
Стеной иной облапывал дурман,
Удушливый одушевляя газ.

И я в чужой очнулся болтовне,
Позабывая нудного себя.
Все пуще пущи пустошей вовне,
Наивнеют, простея и скорбя.

Как жить я мог, как мог я жить иным,
Чем видимый и осязаемый круг.
Как мог я знать какие-то там сны,
Когда искомый корчится испуг.

СУМРАК

Пустынный ветер и дымный дух огня,
И месяца вечерний полусвет,
Бродяжеству вернете вы меня.

Пустынножительства и бедности обет,
Из трех гробниц подымет на свободу.
Я не давал его, но я его храню.
Оставь узду и волю дай коню,
- Он без тебя живую съест воду.

* * *

Как мертвый лист, скользнул, упал
Вечерний нетопырь.
Бледней раскинулся опал.
Простор, разгон, пустырь.

ВОЛЯ

Жизнь, как всегда, необычайна,
Хотя и слякоть за окном.
Одно, конечно, не случайно
- Мое томленье об одном.

Увидеть тихие долины,
Услышать мерный скрип арбы,
И в песне медленной грузина
Подслушать голос злой судьбы.

Той злой судьбы, от коей люди
Идут в Сибирь, идут в разбой.
Забывать страну, забыть о чуде
Я не могу, я не такой.

* * *

Ведь, никем я не встречен,
Как последний предел,
Никому человечен,
Как бы кто ни хотел.

КАМЕННЫЙ ПОЛЕТ

В.К.Зданевич

Быть может, я не позабыл
И кем я был, и кем я буду,
Не только этот смуглый пыл,
Не только внешнюю причуду.

Смеется старое письмо
И этот юношеский почерк.
Былое катится само,
И промежутки все короче.

Пусть нивы тяжкие воли
Разроют тяжкими плугами,
Придет весна - поля светлы
И зеленеются лугами.

Опять у странных я камней,
И буйный ветер веселится.
Печалью скован я о "ней"
И тенью облака столица.

Я к диким камням побежал.
Играет ветер волосами,
И срывно, трубно он заржал,
И камни - конь. Летим мы сами.

Куда, в какую даль времен,
В какую глубь, - пути не видно,
Лишь временами я пленен,
Лишь временами мне завидно

Глядеть на старую строку,
На эти ветреные буквы,
И знать - не будет на веку
Алей времен, чем эти клюквы.

Алей, чем этот сочный цвет.
Огнем зимы он заморожен,
И лишь оскоминой тех лет
Опять мы утешаться можем.

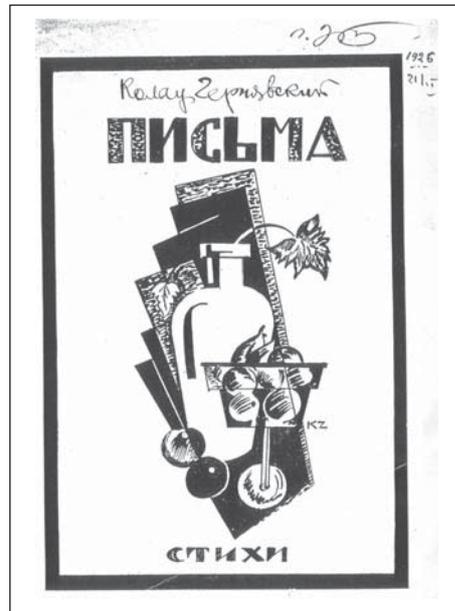
Судьба направила стрелу
И та дрожит, она - живая,
А жизнь затейную иглу
Свою не бросит, вышивая.

Смеется сердце и живет
И ворожит, и помнит раны,
А этот каменный полет
Уносит в пестрядные страны.

Конечно, да - уносит конь
Того, кем был и кем я буду,
И думы тлеющий огонь
Подобен вальсовому гуду.

ДНЯМ

Проходящие ряд за рядом
Добывать восемнадцатый год,
Отчего заржавелым прикладом
Не добьете меня в свой черед?



Кирилл ЗДАНЕЕВИЧ Обложка

* * *

*“Одни поддельные цветы
Дождя бояться”*

И.А.Крылов

Поддельных не было цветов,
Зато и нет и настоящих,
А потому любовь и то
Откладываю в долгий ящик.

БОРЖОМ

Мэри Микадзе

Уже закат касается дерев,
Пропитывая охрою поляны,
И холодней становятся туманы,
Взбираясь утром вдоль ручейных чрев.

А сердце радуется маске лета,
Расписанной затейно и темно,
- Зеленовато, серо, зелено,
А синева играет из просвета.

Когда на солнце тешится река,
Изгиб моста забрызгивая светом,
Припоминаю лицемерным летом
Правдивые глаза исподтишка.

ПИСЬМО К ПРИЯТЕЛЮ

Как будто голову сломя,
По всей Руси играя в прятки,
Где ж мы сойдемся, окромя
Эрфуртом дважды бывшей Вятки?

Хотя - “звезда бо от звезды”,
Конечно, - “разнствует во славе”,
Но Патриаршие Пруды
Ужель не встретят нас, как даве?

